

Приятель Пасьянс / рассказ

Category: Heкаýalar, Kitарсу

написано kitарсу | 23 января, 2025

Приятель Пасьянс / рассказ ПРИЯТЕЛЬ ПАСЬЯНС

- А что случилось с Лереми?
- Он капитан шестого драгунского полка.
- А Пенсон?
- Помощник префекта.
- А Раколле?
- Умер.

Мы припоминали еще и другие имена, возрождавшие в нашей памяти молодые лица под кепи с золотым галуном. Некоторых из наших товарищей мы встречали впоследствии боролатыми, плешивыми, женатыми, отцами нескольких детей, и эти встречи и перемены вызывали в нас неприятное содрогание, доказывая нам, что жизнь коротка, что все проходит, что все меняется.

Мой друг спросил:

- А Пасьянс, толстяк Пасьянс?

Я чуть не взвыл:

- О-о, послушай-ка, что я тебе расскажу про него! Года четыре – пять тому назад я был в инспекционной командировке в Лиможе. Сидя за столом перед большим кафе на Театральной площади, я ждал обеденного времени и порядком скучал. Входили коммерсанты, по двое, по трое, по четверо, выпить абсента или вермута, громко толковали о своих и чужих делах, неистово хохотали или, понизив голос, сообщали друг другу важные и щекотливые новости.

Я думал: «Чем бы заняться после обеда?» И мне представился долгий вечер в этом провинциальном городке, медленная и унылая прогулка по незнакомым улицам, удручающая тоска, охватывающая одинокого путешественника, когда мимо него проходят люди, чуждые ему всем, решительно всем – провинциальным фасоном пиджака, шляпы и брюк, местными привычками и говором, – непреодолимая тоска, исходящая также от домов, от лавок, от странных экипажей, от повседневных, но непривычных звуков;

мучительная тоска, которая заставляет вас ускорять шаг, словно вы заблудились в опасном месте, которая гнетет, внушает желание поскорей добраться до гостиницы. Но в номерах этой отвратительной гостиницы застоялось множество подозрительных запахов, постель вызывает чувство недоверия, а на дне умывального таза виднеется чей-то волос, прилипший вместе с пылью.

Я думал обо всем этом, глядя, как зажигают газ, и чувствуя, что тоска одиночества возрастает во мне с наступлением сумерек. Чем мне заняться после обеда? Я был одинок, совсем одинок, безнадежно заброшен.

За соседний столик уселся толстый мужчина и крикнул громовым голосом:

– Гарсон, мою водку!

«Мою» прозвучало, как пушечный выстрел. Я тотчас понял, что все в жизни принадлежит этому человеку, именно ему, а не другому, что у него, черт возьми, свой нрав, свой аппетит, свои штаны, все свое – в точном, абсолютном и более полном, чем у кого бы то ни было, смысле слова. Затем он с удовольствием огляделся вокруг. Ему подали «его» водку, а он крикнул:

– Мою газету!

Я подумал: «Какая же газета может быть его газетой?» Название изобличит, конечно, его мнения, взгляды, принципы, предрассудки, наивные упования.

Ему принесли «Тан». Я удивился. Почему «Тан» – газету серьезную, однообразную, доктринерскую, уравновешенную? «Значит, это человек рассудительный, строгих нравов, с установившимися привычками – словом, истинный буржуа», – подумал я.

Он надел на нос золотые очки, уселся поудобнее и, прежде чем приняться за чтение, снова бросил взгляд на окружающих. Он заметил меня и принялся разглядывать так упорно, что мне стало не по себе. Я уже хотел было спросить у него о причине такого внимания, как вдруг он закричал, не сходя с места:

– Черт побери, да ведь это же Гонтран Лардуа!

Я ответил:

– Да, сударь, вы не ошиблись.

Тогда он вскочил и бросился ко мне с расprostертыми объятиями:

– Старина! Как поживаешь?

Я был очень смущен, так как не узнавал его. Я пробормотал:

– Очень хорошо, благодарю вас.

Он расхохотался:

– Бьюсь об заклад, что ты меня не узнаешь!

– Да, не совсем... Однако... мне кажется...

Он хлопнул меня по плечу:

– Ну, ничего, ничего! Я – Пасьянс, Робер Пасьянс, твой товарищ, твой одноклассник.

Тут я узнал его. Да, Робер Пасьянс, мой школьный товарищ. Верно! Я пожал протянутую руку.

– А ты хорошо живешь?

– Я – превосходно!

Его улыбка сияла торжеством.

Он спросил:

– Ты зачем сюда?

Я объяснил, что нахожусь в командировке в качестве податного инспектора.

Он сказал, указывая на мой орден:

– Значит, преуспеваешь?

Я ответил:

– Да, недурно. А ты?

– О, я – великолепно!

– Чем занимаешься?

– Делами.

– Деньгу зашибаешь?

– И немалую. Я разбогател. Да приходи ко мне завтра, в полдень, на улицу Поющего Петуха, дом семнадцать. Посмотришь, как я живу, а затем вместе позавтракаем.

Он замялся на мгновение, потом добавил:

– Ты все такой же славный малый, как прежде?

– Да... надеюсь по крайней мере.

– Не женат, не правда ли?

– Не женат.

– Тем лучше. И по-прежнему любишь веселье и картошку?

Он начинал казаться мне удручающе пошлым. Тем не менее я ответил:

— Ну да.

— И хорошеньких девочек?

— Что касается этого, безусловно, да!

Она засмеялся добродушным, довольным смешком.

— Тем лучше, тем лучше. Помнишь наше первое похождение в Бордо, когда мы отправились ужинать в кабачок Рупи? Вот кутеж-то закатили!

Этот «кутеж» я хорошо помнил; воспоминание о нем меня развеселило. За этим случаем пришли на память многие другие; мы говорили:

— А помнишь, как мы заперли классного наставника в подвале дядюшки Латока?

Пасьянс хохотал, колотил кулаком по столу, поддакивал:

— Да, да, да... А помнишь, какую рожу скорчил учитель географии Марен, когда мы запустили петарду в карту полушарий, пока он разглагольствовал о вулканах?

Вдруг мне пришло в голову спросить:

— А ты-то женат?

Он завопил:

— Женат, уже целых десять лет женат, дорогой мой, и у меня четверо детей, чудесные малыши! Но ты сам увидишь и ребят и мать.

Мы разговаривали громко; соседи оборачивались и с удивлением разглядывали нас.

Вдруг мой приятель вынул часы, хронометр величиною с тыкву, и вскричал:

— Черт побери! Очень досадно, а все-таки нужно расстаться: у меня дело.

Он встал, взял меня за руки, потряс их так, словно хотел совсем оторвать, и сказал:

— Значит, завтра в двенадцать! Решено?

— Решено.

Утро я провел за работой у главного департаментского казначея.

Он оставлял меня завтракать, но я ответил, что приглашен к товарищу. Ему тоже надо было куда-то пойти, и мы вышли вместе.

Я спросил у него:

– Не знаете ли, где улица Поющего Петуха?

Он ответил:

– Недалеко, минут пять отсюда. Мне не к спеху, я вас провожу.

И мы двинулись в путь.

Вскоре мы дошли до улицы, которую я искал. Она была широкая, довольно красивая; за нею начинались поля. Я посмотрел на дома и сразу заметил № 17. Это был своего рода особняк, окруженный садом. Фасад, разукрашенный фресками в итальянском духе, показался мне аляповатым. Виднелись склоненные над урнами богини; прелести некоторых из них были прикрыты облачками. Два каменных амура поддерживали дощечку с номером дома.

Я сказал казначею:

– Мне сюда.

И протянул ему на прощанье руку. Он сделал какое-то странное, порывистое движение, однако ничего не сказал и пожал мне руку.

Я позвонил. Появилась горничная. Я спросил:

– Здесь живет господин Пасьянс?

Она ответила:

– Здесь, сударь... Вы желаете видеть его самого?

– Ну разумеется.

Прихожая тоже была расписана; живопись, по-видимому, принадлежала кисти какого-нибудь местного художника. Паль и Виржини обнимались под сенью пальм, залитых розовым светом. Под потолком висел отвратительный восточный фонарь. В прихожую выходило несколько дверей, замаскированных яркими обоями.

Но что меня особенно поразило – так это запах. Какой-то тошнотворный запах духов, напоминающий и рисовую пудру и плесень погреба. Тяжелый воздух, пропитанный этим неопишуемым запахом, дурманил, как в бане, где все полно испарениями человеческих тел. Я поднялся вслед за горничной по мраморной лестнице, устланной ковром в восточном вкусе; меня ввели в роскошную гостиную.

Оставшись один, я огляделся вокруг.

Комната была обставлена богато, но с претензиями распутного выскочки. Гравюры минувшего века, довольно, впрочем, хорошие, изображали женщин с высокими напудренными прическами,

полуголых и застигнутых мужчинами в пикантных позах. Одна женщина, нежась на широкой измятой постели, играла ножкою с собачонкой, утопавшей в одеялах; другая мягко сопротивлялась своему возлюбленному, рука которого прокралась к ней под юбки. На одном из рисунков были изображены четыре ноги, и по их положению легко было догадаться о позах людей, скрытых занавесом. Вся просторная комната, уставленная мягкими диванами, была насквозь пропитана тем расслабляющим, приторным запахом, который поразил меня внизу. Чем-то двусмысленным веяло от стен, от материй, от преувеличенной роскоши – от всего решительно.

Я заметил за окном деревья и подошел, чтобы взглянуть на сад. Сад был большой, тенистый, великолепный. Широкая дорожка огибала лужайку с фонтаном, рассыпавшим в воздухе брызги, потом пряталась среди деревьев, потом снова появлялась дальше. И вдруг вдали, в самой глубине сада, меж рядов кустарника, показались три женщины. Они были одеты в длинные белые капоты, пышно отделанные кружевами, и медленно шли, взявшись за руки. Две из них были блондинки, третья – брюнетка. Мгновение спустя они скрылись за деревьями. Я замер в волнении, в восторге перед этим мимолетным, восхитительным явлением, оживившим во мне целый мир поэзии. Они едва мелькнули среди листвы в эффектном освещении в глубине таинственного, чарующего парка. Предо мною вдруг предстали прекрасные дамы минувшего века, гуляющие под сенью листвы, те прекрасные дамы, непринужденную любовь которых изображали развешанные по стенам галантные гравюры. И я задумался о счастливой, цветущей, остроумной и милой эпохе, когда нравы были так легки, а губы так уступчивы. Громкий голос заставил меня подскочить на месте. Вошел Пасьянс, сияя и протягивая мне руки.

Он заглянул мне в глаза с тем таинственным видом, с каким обычно сообщают любовные секреты, и широким, округлым жестом – наполеоновским жестом – указал на свою роскошную гостиную, на парк, на трех женщин, снова показавшихся вдали, и торжествующим голосом, в котором звучала гордость, сказал: – И подумать только, с какой малости я начал... с жены да свояченицы.

* * *

Напечатано в «Жиль Блас» 4 сентября 1883 г. под псевдонимом Мофриньёз; озаглавлено было «Приятель» («L'ami»).

Ги де Мопассан. Собрание сочинений в 10 тт. Том 5. МП «Аурика», 1994

Перевод Е.Гунст Neкаýalar